

**Учащийся глазами учителя на страничках документов
Ханты-Мансийского национального педагогического училища
(вторая половина 40-х гг. XX века)**

А. Г. Киселев

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, kiselev1954@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: антропологический поворот в исторических исследованиях сделал актуальной тематику, связанную, в частности, с изучением особенностей социализации поколений. Особое внимание в этой связи привлекает поколение «детей войны», на Крайнем Севере выдвинувшее из своей среды первую по-настоящему значительную группу национальной интеллигенции.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать социализацию югорской молодёжи второй половины 40-х гг., избравшей в качестве пути вторичной социализации педагогическую стезю, во-первых, как *отношение*, а именно: глазами преподавателей педучилища и, во-вторых, как *элемент педагогического дискурса*.

Материалами исследования послужили нормативные документы, регламентировавшие поведение учащихся средних специальных учебных заведений, делопроизводственные материалы Ханты-Мансийского педучилища. При их изучении наряду с общенаучными и методами исторического исследования, в работе использован анализ текста, прежде всего лексики и стилистики, позволивший реконструировать черты двух образов учащегося: «долженствующего» и «реального».

Результаты и научная новизна: если для руководителей советского образования, образцом учащегося среднего специального учебного заведения выступал не просто хороший учащийся и общественник, но и по-городскому, по-русски «культурный» молодой человек, умеющий «прилично» вести себя в «обществе», то представители педколлектива Ханты-Мансийского училища, по-видимому, были вполне удовлетворены и успевающими, не имеющими дисциплинарных взысканий и общественно-активными учащимися. Базовой причиной «снижения планки» были особенности вторичной социализации национальной части учащихся, испытывавших трудности в связи с переходом фактически в иную культуру. Сказалась и крайне низкая успеваемость, прежде всего 1944–1945 гг., склонявшая преподавателей удовлетворяться положительными оценками и минимальной общественной активностью своих подопечных. Названные причины учебных проблем в национальных педучилищах СССР до сих пор не освещались в литературе.

Ключевые слова: вторичная социализация, «сельская/этническая» и «городская/русская» модели образования и воспитания, правила поведения учащихся как инструкция и ценностный атрибут учащегося, педагогический дискурс.

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность информантам, выпускникам Ханты-Мансийского педучилища начала 50-х гг. – Марии Кузьминичне Волдиной и Татьяне Никифоровне Непкиной, научному сотруднику Обско-угорского института прикладных исследований и разработок Татьяне Владимировне Волдиной за ценные консультации, а также работнику Государственной библиотеки Югры Анне Владимировне Беккер за помощь в получении необходимой литературы.

Для цитирования: Киселев А. Г. Учащийся глазами учителя на страничках документов Ханты-Мансийского национального педагогического училища (вторая половина 40-х гг. XX века) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 768–779.

**Socio-cultural portrait of a student on the pages of documents of the
Khanty-Mansiysk National Pedagogical College
(the second half of the 40s of XX century)**

A. G. Kiselev

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation, kiselev1954@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the anthropological turn in historical researches has made relevant the theme related, in particular, to the study of features of the socialization of generations. Generation of the «children of war», put forward the first truly significant group of national intelligentsia in the Far North, is attracted a special attention.

Objective: to show the socialization of the Yugra youth in the second half of the 1940s, who chose the pedagogical path as the path of secondary socialization, firstly, as a relationship, namely, as the teacher sees them; secondly, as an element of pedagogical discourse.

Research materials: the normative documents regulating the behavior of students of secondary special educational institutions; records of materials of the Khanty-Mansiysk Pedagogical College. Along with general scientific methods and methods of historical research, the work uses analysis of texts, primarily analysis of vocabulary and stylistics, which allowed reconstruct the traits of two images of a student: «proper» and «real».

Results and novelty of the research: for the leaders of the Soviet education a model of a student of secondary special educational institution was not just a good student and a public person, but also a cultural young person who knew how to behave in the “society”. At the same time, representatives of the pedagogical staff of the Khanty-Mansiysk College, apparently, were quite satisfied with socially active students and students who did not have disciplinary sanctions. The main reason for the «lowering of the bar» was the features of secondary socialization of the national part of students who had difficulties in connection with the transition, in fact, into a new culture. There was an extremely low academic performance, especially in 1944–1945, because of which teachers were inclined to be satisfied with positive assessments and minimal social activity of their wards. The above-mentioned reasons of educational problems in national pedagogical colleges of the USSR have not yet been covered in literature.

Key words: secondary socialization, «rural/ethnic» and «urban/Russian» models of education and upbringing, rules of behavior of students as an instruction and the value attribute of a student, pedagogical discourse.

Acknowledgments: the author expresses sincere gratitude to informants, graduates of the Khanty-Mansiysk Pedagogical College of the early 50's – Maria Kuzminichna Voldina and Tatyana Nikiforovna Nepkina; the researcher of the Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development Tatyana Vladimirovna Voldina for valuable consultations as well as an worker of the State Library of Yugra Anna Vladimirovna Bekker for the necessary literature.

For citation: Kiselev A. G. Socio-cultural portrait of a student on the pages of documents of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College (the second half of the 40s of XX century) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(4): 768–779.

Введение

Актуальность темы определяется фигурой учащегося военных и первых послевоенных лет, что вполне укладывается в активно развивающееся в исторических исследованиях последнего времени антропологическое направление. Надо также иметь в виду, что учащиеся второй половины 40-х гг. – это, как правило, «дети войны», представители того поколения, которое участвовало в послевоенном восстановлении и на своих плечах держало нашу страну в 50–70-х гг. – в эпоху расцвета и заката советизма. Применительно к народам ханты и манси речь, кроме того, может идти о поколении, генерировавшем первую по-настоящему значительную группу национальной интеллигенции [1, 117]. Поэтому особенности социализации этого поколения, взаимоотношений со взрослыми современниками – учителями, наставниками представляют несомненный научный интерес.

Целью статьи является анализ образов учащегося – каким хотели видеть и каким его видели преподаватели, классные руководители, воспитатели. Эти представления допустимо рассматривать как отношения между сторонами образовательно-воспитательного процесса и как сегмент педагогического дискурса, не только отражающего, но и порождающего реальность, в данном случае – формирующего молодого советского учителя.

Использованная при подготовке настоящей

статьи литература условно может быть разделена на три группы. Первая – работы, непосредственно обращённые или затрагивающие тему воспитания советских учащихся. Подходящим примером могут служить, в частности, историко-педагогические сюжеты Э. В. Уваевой, прослеживающей эволюции идейно-воспитательных установок советской школы 30–50-х гг. [14, 42–48].

Среди работ, анализирующих проблему дисциплины в советских школах, отметим весьма содержательные статьи К. А. Маслинского [6; 7]. С ними перекликаются работы Ж. Г. Стельмашук, выполненные на украинском материале [10; 11; 12]. В сравнительном плане вызывает интерес и статья Б. Эггермонт об одном из аспектов школьной дисциплины в Бельгии 1880-х гг. – 1940-х гг. [17].

Отдельного упоминания заслуживают наблюдения Ю. Слёзкина за реализацией школьной программы «цивилизованного поведения», «культурной революцией» «на самом фундаментальном уровне», как сущности переживаемого северной школой 20-30-х гг. момента. Интересны, несмотря на лапидарность, и учительские оценки учеников [8, 259, 274].

Вторая группа – труды, посвящённые классному руководству, как аналитического, так и практико-методического характера. Интерес вызывает, в частности, доклад С. Ф. Гонсалес и Р. М. Фрейре, исследовавших представления

об учащемся в современном педагогическом дискурсе [2]. Поднималась тема и нами – применительно к советским техникумам 40-50-х гг. [4, 23–24, 31, 33; 5, 108–115].

К третьей группе относятся издания по истории отдельных педучилищ, в том числе и Ханты-Мансийского [1; 3], помогающие держаться в поле исторического исследования, видеть единичное на фоне состояния педагогического образования в стране, соотносить частное с общим.

Материалы и методы

Источники, на основе которых написана настоящая работа, подразделяются на две большие группы.

1) Нормативные документы, освещавшие учебно-воспитательный процесс в общих и средних специальных учебных заведениях, дававшие эталонные представления об учащемся. Это, прежде всего, правила для учащихся 1943 г., уставы средних специальных учебных заведений и инструкции классным руководителям 1944 г.

2) «Делопроизводственные» документы Ханты-Мансийского педагогического училища четырёх типов:

- а) планы воспитательной работы;
- б) отчёты о их выполнении;
- в) протоколы заседаний педсовета.

Наряду с общенаучными и методами исторического исследования, в работе использован анализ текста, прежде всего лексики и стилистики, позволивший выявить значимую информацию, реконструировать черты двух образов учащегося: «должностующего» и «реального».

Для понимания проблемы соотношения должного и сущего образов нами использована концепция первичной и вторичной социализации П. Бергера и Т. Лукмана [16, 149–166], идея культурного разрыва А. В. Чашухина и О. Л. Лейбовича [15].

Результаты

Можно признать имеющей право на существование устоявшуюся в литературе оценку диссонанса воспитательных устремлений сталинского руководства 30-х – начала 50-х гг.: с одной стороны, публично декларируемый идеал социально активной личности, самостоятельного и инициативного строителя нового общества, с другой, непосредственно в педагогической практике ставка на послушание, конфор-

мизм, воспитание «человека-винтика» [14, 42].

Действительная «житейская» ситуация, однако, всегда выглядела сложнее. Очевидно, на деятельности Ханты-Мансийского педучилища не могли не сказаться, с одной стороны, его «миссия», с другой – наличие значительной доли представителей коренных народов среди учащихся. Это порождало противоречие: нужно было готовить будущих учителей, призванных своей просветительской и общественной деятельностью поддерживать советское (= русское) влияние в национальной глубинке¹ из учащихся, принадлежащих *иной* культуре [1, 120], зачастую не имевших ни достаточной школьной подготовки, ни мотивации.

Надо иметь в виду и специфику военных и послевоенных 40-х гг., общие условия которых оказывали негативное влияние на положение вещей в стране и в системе народного образования.

Названные условия и обстоятельства ставили в трудное положение как учащихся, так и учащихся. Каковы были отношения между ними? Какими хотели видеть своих учеников учителя, и какими видели их на самом деле? Какие достоинства хотели воспитать, и с какими недостатками готовы были мириться?

Взросление молодых людей, их социализация заключается, в том числе в принятии и освоении нового, в данном случае профессионального языка, идентификации себя с преподавателями, педагогами [16, 153]. Этот багаж, полученный в училище, молодые ханты, манси, ненцы, русские должны были унести с собой «в люди», «в жизнь». Конечно, педколлектив хорошо понимал это, и по своему стремился к максимальному/идеальному результату.

Каким был эталонный облик учащегося педучилища – будущего учителя и местного общественного деятеля? Ответить на этот вопрос позволяет изучение нормативных текстов. Поскольку соответствующие нормативы существовали в определённом поле образовательно-воспитательного дискурса, сравним уставы советских средних специальных учебных заведений – педучилища и техникума [13, 35–49; 9, 65–74], а также ведомственные инструкции классным руководителям.

В типовом уставе советского техникума 1944 г. тема учащихся занимала центральное место. Посвящённый ей раздел был вторым после

¹ Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 16. Л. 15–15 об.

раздела о целях и задачах учебного заведения («подготовка квалифицированных, преданных Советской Родине кадров со средним специальным образованием»).

Как объект воспитания учащиеся упоминались и в 3-м разделе об организации учебной работы (необходимость оценки наряду со знаниями, поведения учащегося), а также в 5-м разделе о структуре и руководстве техникума (руководство воспитательной работой вменялось, в том числе, руководителям отделений учебного заведения).

В уставе педучилища 1944 г. основное содержание темы воспитания помещалось в 5-й главе, а упоминания находились в 1–3-й главах. Соответственно в 1-й определялась цель работы: воспитание преданного Советской Родине образованного культурного учителя начальной школы, хорошо владеющего педагогическими умениями и навыками. Во 2-й говорилось о достижении прочного усвоения учащимися систематических знаний, развития в них активности, навыков самостоятельной работы, любознательности, а также о привитии учащимся про-

фессиональных умений и навыков, необходимых учителю начальной школы. В 3-й речь шла о необходимости систематической воспитательной работы, о воспитании любви к детям и педагогической профессии, а также о проведении внеклассной работы с учащимися и оказании помощи их общественным организациям².

Сопоставляя эти, «дополнительные» по отношению к разделам, непосредственно посвященным учащимся, прямые и не прямые характеристики, отметим последний, из указанных выше, «антропологический» мотив педагогов – учащимся должна быть привита любовь к детям. О любви к детям и школе, как важнейшем качестве учащегося говорилось и в предваряющем устав педучилища постановлении СНК РСФСР об улучшении работы училищ от 11 марта 1944 г. В соответствующих техникумовских документах этот мотив отсутствовал.

Эти наблюдения продолжают сравнением основных – 2-го раздела техникумовского и 5-ой главы училищного уставов, прямо посвященных статусу и обязанностям учащихся.

Таблица № 1 [13]

Статус, права и обязанности учащихся в уставах педучилища и техникума 1944 г.

Устав педучилища	Устав техникума
<ul style="list-style-type: none"> - упорно и настойчиво овладевать научными заданиями, педагогическими умениями и навыками, чтобы стать образованным и культурным учителем; - добросовестно, в срок, самостоятельно выполнять домашние задания; - быть дисциплинированным, беспрекословно подчиняться распоряжением директора, его заместителей, преподавателей, знать и точно выполнять правила учебного распорядка училища; - в отношениях с директором, его заместителями, преподавателями педагогического училища, учителями школы быть почтительным³; - при входе и выходе их из класса приветствовать их, вставая с места. При встрече с ними вне класса приветствовать вежливым поклоном; на улице при приветствии юноши снимают головной убор; - быть вежливым с обслуживающим персоналом училища и школы. Уважать их труд, соблюдая чистоту и порядок в помещениях; - быть внимательным и предупредительным к старшим, престарелым, слабым, больным, уступать им дорогу, место, оказывать всяческую помощь⁴; - заботливо относиться к детям, обращать внимание на их поведение на улице, в школе, кино, театре. В случае необходимости воздействовать на них, пресекая грубые и вредные шалости; 	<ul style="list-style-type: none"> -упорно и настойчиво овладевать знаниями; -аккуратно посещать занятия; -своевременно выполнять домашние задания, практические работы; -своевременно сдавать экзамены и проходить практику; -быть дисциплинированным, беспрекословно подчиняться распоряжениям директора, его заместителю по учебной части, преподавателям; -быть культурным и вежливым в обращении с директором, его заместителем по учебной части, преподавателями, персоналом, а также в обращении со всеми старшими и друг с другом; -вставать при входе преподавателей в аудиторию, при вопросах, ответах и садиться только с разрешения преподавателя; -выполнять правила внутреннего распорядка; -бережно относиться к имуществу учебного заведения; -иметь при себе билет учащегося и бережно хранить его.

² Редакция устава педучилища 1948 г. отчасти сблизила формулировки требований к учащимся с техникумовским уставом. – Автор.

³ В редакции 1948 г. «культурным и вежливым». – Автор.

⁴ Пункт изъят из редакции 1948 г. – Автор.

- знать правила для учащихся, в школе во время работы с детьми, а также вне школы, быть образцом примерного поведения, держать себя как подобает воспитателю;

- уважать товарищей, заботиться о них. В коллективе быть выдержанным, вежливым, скромным, стараясь поддерживать дружеские отношения с товарищами⁵;

- неуклонно выполнять правила внутреннего распорядка в общежитии;

- бережно относиться к имуществу педагогического училища и школы, к вещам товарищей и к своим вещам, заботиться о создании уюта и красивой обстановки в учебных помещениях и в общежитии⁶;

- иметь всегда опрятный вид: быть чисто и опрятно одетым и аккуратно причёсанным⁷;

- дорожить честью своего учебного заведения и класса, как своей собственной, и воздерживать товарищей от поступков, не совместимых с честью их, как будущих воспитателей детей⁸;

- иметь при себе билет учащегося педагогического училища, бережно его хранить, не передавать другим и предъявлять по требованию директора, заместителя директора по учебной части, преподавателей педагогического училища и представителей государственных органов и учреждений⁹.

Общностью отдельных положений, лексики и стилистики названные документы были обязаны как принадлежностью к одной системе советского среднего специального образования, так и времени своего происхождения – военным 40-м.

Очевидно сказалось и некоторое влияние «Правил для учащихся» общеобразовательной школы, появившихся на свет раньше – в августе 1943 г. Наряду с изначально и по сути служебно-инструментальным [18, 25], правила поведения школьников довольно скоро приобрели и символически-ценностное значение, стали атрибутом образа учащегося [6, 56]. И это было отнюдь не только советским явлением [17, 130]. Их ценностное значение подчёркивалось и современниками, и позднейшими исследованиями.

Советские педагоги и современные исследователи отмечали и идеологическую составляющую правил поведения учащихся. Так профессор С. Ф. Чавдаров называл правила «требованиями не только учителей, но и требованиями советского государства, требованиями всего советского народа» [12, 230], а историк К. А. Маслинский определил их как «слово учителя в устах государства» [6, 56; 7, 41].

Следы идеологии обнаруживаются и при знакомстве с соответствующими разделами уставов средних специальных учебных заве-

дений. При этом наряду с «символической/ценностной нагрузкой» школьных правил, составители уставов сохранили и их отдельные положения с регламентацией некоторых типичных ситуаций учебной повседневности [7, 45–46]: учащиеся должны были приветствовать директора, преподавателей стоя; в техникамах так же полагалось отвечать и на занятиях, садясь только с разрешения учителя.

Сравнивая уставы техникума и педагогического училища 1944 г. нельзя не обратить внимания на известные различия характера требований: налицо «корпоративизм» и «дисциплинированность», с одной стороны (техникум), и открытость вовне, «воспитательный» характер обращений к обучающимся, с другой (училище). Налицо и своеобразное продолжение «антропологического» мотива в уставе училища, усиление его гуманистических ноток: внимание к престарелым и больным, дружелюбие и ответственность отношений к товарищам, отношение к детям, как заботливого воспитателя к подопечным. В более поздней редакции 1948 г. эти особенности были «оглушены», и структурно и содержательно два устава в отношении правил учащихся сблизились.

«Уставной» образ учащегося органично закреплялся положениями инструкций классным руководителям.

⁵ Пункт изъят из редакции 1948 г. – Автор.

⁶ В редакции 1948 г. речь идет только об имуществе учебного заведения. – Автор.

⁷ Пункт изъят из редакции 1948 г. – Автор.

⁸ Пункт изъят из редакции 1948 г. – Автор.

⁹ Пункт сокращён в редакции 1948 г. – Автор.

Воспитательные задачи классных руководителей педучилищ и техникумов 1944-1945 гг.

Разделы инструкций	Инструкция для педучилищ 16 мая 1945 г.	Инструкция для техникумов (средних специальных учебных заведений) 29 августа 1944 г.
Цель работы	1) Повседневное наблюдение за обучением и воспитанием учащихся; 2) всемерно способствовать воспитанию у учащегося любви к детям и школе и привитию им тех качеств, которые необходимы будущим учителям и воспитателям	Повседневное наблюдение за обучением и воспитанием учащихся
Обязанности	1) знать каждого учащегося своего класса, наблюдать за его успеваемостью и поведением, быть осведомленным о материально-бытовых условиях и состоянии здоровья; 2) ознакомить учащихся с уставом училища, правилами внутреннего распорядка и добиваться их выполнения; 3) воспитательной работой добиваться высокой дисциплинированности, сознательного отношения к учебе, труду, бережного отношения к имуществу училища;	1) знать личный состав, его положение и нужды; 2) воспитательной работой добиваться высокой дисциплинированности, сознательного отношения к труду, бережного отношения к имуществу техникума; 3) помогать работе актива класса; 4) следить за опрятностью, требовать строгого выполнения правил внутреннего распорядка; 5) систематически контролировать посещаемость занятий;
Обязанности	4) прививать учащимся навыков точности, аккуратности, а также умения держать себя в коллективе; 5) содействовать приобретению учащимися культурно-гигиенических навыков; 6) оказывать помощь учащимся в организации самостоятельной работы; 7) помогать работе актива класса; 8) привлекать учащихся к активному участию в общественно-политических и культ-массовых мероприятиях; 9) содействовать проведению учащимися общественной работы среди учащихся начальной школы; 10) организовать культурный досуг учащихся – беседы, доклады, тематические вечера, экскурсии, посещение кино, театров, музеев; 11) проводить комсомольские собрания с вопросами учебы, поведения и общественной работы; 12) дежурить наравне с другими преподавателями в учебном корпусе и общежитии.	6) следить за выполнением домашних заданий, за текущей успеваемостью, выявлять причины неуспеваемости; 7) разрабатывать мероприятия по повышению успеваемости; 8) проводить совещания преподавателей своего класса; 9) проводить классные собрания; 10) поддерживать связь с родителями; 11) организовывать беседы на политические, литературные и другие темы, проводить экскурсии, походы в кино, содействовать вовлечению учащихся в кружки; 12) вовлекать учащихся в активное участие в общественной жизни.

Если в уставах училища и техникума атрибуты учащегося указывались прямо, то в инструкции классным руководителям опосредованно – как воспитательные задачи, которые педколлектив был призван решать.

Резюмируя отметим, что представленные документы придавали ценностное значение поведению учащегося, по преимуществу в связи с учёбой – в самом учебном заведении. Характерны требования добросовестного отношения и активности в учёбе, дисциплинированности, воспитанности/культурности, бережного отношения к общественному имуществу. Нетрудно заметить, что общественная активность пред-

ставлена здесь как «профессиональная», по сути, активность учащегося. И только инструкции классным руководителям прямо говорили об участии будущих специалистов в общественной жизни.

Сюжеты о правилах поведения вне стен училища/техникума в названных документах немногочисленны. Тем больший интерес представляет материал (рукописный текст) – «правила поведения», которые были обнаружены нами в архивной подшивке планов-отчётов о работе классных руководителей Ханты-Мансийского педучилища. Этот текст не содержит названия, авторство не указано, но его

¹⁰ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Д. 71–71 об.

содержание, структура недвусмысленно свидетельствуют о том, что это именно правила поведения вне училища. Вот названия разделов: «дома», «уважай старшего», «в гостях», «на улице», «в театре», «говори культурно», «будь вежлив», «кушай культурно», «не будь неряхой», «чистота – залог здоровья», «цени время», «береги вещи»¹¹.

Как и в случае с некоторыми требованиями к учебному процессу (урок, пятибалльная система оценок, правила поведения) очевидным представляется возвращение к традиции, заимствования из соответствующих текстов дореволюционной поры: «Уважай отца и мать – они растят тебя, одевают, обувают, кормят. Народная мудрость учит: “кто родителей почитает, тот веками не погибает”»; «за столом веди себя скромно, не привередничай»; «уважай старших, уступай им дорогу», «старая русская поговорка говорит: “по одежке встречают, по уму провожают”»¹².

Для руководителей советского образования, образцом, таким образом, выступал не про-

сто хороший учащийся и общественник, но и по-городскому, по-русски «культурный» молодой человек, умеющий «прилично» вести себя в «обществе/коллективе».

Представленные выше нормативные, по сути, документы в силу своей природы показывают нам норму/идеал. Существо делопроизводственной документации иное – она проливает свет на реальное положение дел.

Конечно, в таких документах, как отчёты, особенно планы педагогов нормативные, идеологические мотивы так же заметны, но уже протоколы педагогических совещаний пишутся иным – сугубо деловым языком. Идеологические символы вытесняются практическими соображениями профессионального свойства, «всплывают», разворачиваются сюжеты не знакомые образованческому официозу или лишь намеченные им.

Исследование планов и отчётов классных руководителей Ханты-Мансийского педагогического училища 40-х гг. позволяет зафиксировать следующие наблюдения.

Таблица № 3¹³

Задачи планов классных руководителей Ханты-Мансийского педучилища на 2-ю четверть 1945-46 уч. года

№№	Вопросы планов классных руководителей	Классы, в которых эти вопросы планировалось решать	Итого
1	Полит-массовые мероприятия, в том числе политинформации и беседы	1а, 1б, 1б, 1б, 1б, 2а, 2б, 2б, 2б, 2б, 3а, 3а, 3а, 4, 4, 4, 7	17
2	Организация культурно-массовых мероприятий	1а, 1а, 1б, 1б, 2а, 2а, 2б, 2б, 2б, 2б, 3а, 7	12
3	Учёт посещаемости/успеваемости	1а, 1а, 1б, 1б, 2а, 2б, 3а, 3а, 4, 7	10
4	Дисциплина, устав педучилища и правила	1а, 2а, 2а, 2б, 2б, 2б, 1б, 1б	8
5	Итоги четверти	1а, 1б, 2а, 2б, 2б, 3а, 4	7
6	Изучение материально-бытовых и санитарных условий проживания учащихся	1а, 1б, 2а, 2а, 3а, 4, 7	7
7	Переписка с родителями	1а, 1б, 2б, 3а, 4, 7	6
8	Каким должен быть культурный человек/советская девушка	1а, 2а, 4, 4, 4	5
9	Посещение занятий др. преподавателей	1а, 1б, 2а, 4	4
10	Каким должен быть педагог, о работе с детьми	1б, 3а, 2б, 4	4
11	Работа с комсомольцами/активом класса	2а, 2б, 2б	3
12	Самостоятельная работа и помощь отстающим	1б, 7, 7	3
13	Изучение индивидуальных особенностей уч-ся	1б	1
Итого			87

¹¹ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 26–32.

¹² ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 26, 30.

¹³ Таблица составлена по: ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-10 об.

1) Главным направлением воспитательной деятельности педколлектива было повышение успеваемости/посещаемости и укрепление дисциплины (пп.: 3–5, 7, 9, 12). Вместе взятые они составили 43,7 % от общего количества плановых задач классных руководителей. Следует обратить внимание на то, что соответствующие мероприятия проводились во всех классах училища и не по одному разу за четверть.

2) Правила поведения и шире – образ жизни так же пропагандировались почти во всех классах училища, но в силу «жанрового» характера поучительной беседы, обсуждения ценностных вопросов-проблем не могли повторяться часто (пп.: 8, 10 – 10,2% запланированных мероприятий). Косвенным образом нравственное воспитание «подпиралось» полит-массовой и культ-массовой работой (33,3% запланированных мероприятий).

Обсуждение и заключение

Эти наблюдения вкупе с информацией о крайне низкой успеваемости и перегруженности преподавателей могут быть интерпретированы следующим образом.

1) Усилия педколлектива, направленные на повышение успеваемости и укрепление дисциплины учащихся были повседневными из-за плачевных результатов учебной работы: «Регулярно следить за успеваемостью и посещаемостью / завести строгий ежедневный учёт / своевременно реагировать на каждую плохую отметку»¹⁴, – таковы характерные формулировки планов классных руководителей. Это значит, что в учащихся преподаватели видели сплошь и рядом *подопечных* подростков, молодых людей, создающих проблемы, не желающих учиться, склонных к пропускам занятий и дисциплинарным нарушениям.

Конечно, у преподавателей были и любимые, хорошо успевающие, общественно активные ученики. Но не им (в училище некоторое время не было ни одного предметного кружка, а почётные грамоты за успехи в учёбе выдавались крайне редко¹⁵), а именно основной массе

неуспевающих учащихся преподаватели вынуждены были отдавать своё время и силы – вести дополнительные занятия, постоянно обсуждать тему на классных собраниях и педсоветах, в комсомольских группах («повторяем без конца одно и то же, а толк один»)¹⁶, заниматься ежедневным учётом, посещать общежития, списываться с родителями. Можно предположить: это негативно сказывалось на психологическом фоне в училище, затрудняло профессиональную самореализацию педагогов. Можно утверждать: это порождало напряжение в самом педколлективе. Крайне низкий уровень успеваемости подвигал администрацию к усилению контроля («классные руководители не ведут регулярного контроля за успеваемостью и посещаемостью / не следят за получением каждой плохой оценки»¹⁷), навязыванию преподавателям дополнительной работы, с заранее сомнительным эффектом. «В ликвидации этих глубоких пробелов за 6–7 класс не помогают коллективные консультации. Отдельным учащимся нужно серьёзное частное репетиторство, чтобы ликвидировать то, что учащиеся принесли к нам [из школы]», – говорила на заседании педсовета математик К. В. Корнилова¹⁸

В педколлективе на почве проблемы успеваемости наметился даже известный разлад, дающий о себе знать, в частности, в протоколах заседаний педсовета 10 января и 11 февраля 1945 г., 17 декабря 1946 г. Администрация считала причиной провала образовательной деятельности нежелание и неспособность к эффективной работе преподавательского состава. Преподаватели, в свою очередь, склонны были видеть главную причину в неспособности и нежелании учащихся учиться, а также в бытовой неустроенности учебного заведения¹⁹. В разговорах звучали пусть по видимости справедливые, но подчас уничижительные замечания и намёки: «Неавторитетность учителей перед учащимися / неавторитетными являются учителя и дирекция [для учащихся]/ недостаточно напряжённо работают учителя, не было единства среди коллектива, безответственность / выступление В. Я. Дебулёвой демобилизационно / трудовая

¹⁴ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 3, 7 об.

¹⁵ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.

¹⁶ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 41.

¹⁷ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 110 об.–111.

¹⁸ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 37 об.–38.

¹⁹ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–38 об.; Д. 19. Л. 110 об.–111.

система учителей расшаталась / как повышают культуру устной и письменной речи [учителя]? / безразличие ко всему, отнекивание..., формализм... подошли несерьёзно... не интересуются успеваемостью учащихся / бросают упрёк в недобросовестной работе нам [преподавателям], но плохо учатся учащиеся три года мы слышим обвинения в плохой работе [со стороны дирекции]»²⁰.

Борьба за успеваемость, а также посещаемость и дисциплину (кстати весьма распространённое явление в тогдашних педучилищах) [3, 23], борьба из четверти в четверть, из года в год, очевидно «застила глаза» – «идеальный учащийся» в этих условиях был «почти не виден», а если и мог видиться, то «просто» успевающим, «всего лишь» посещающим занятия и не имеющим дисциплинарных замечаний. Но и этот образ имел шанс актуализироваться лишь в русле соответствующей рефлексии, которая в условиях «учебного кризиса» в училище вряд ли представлялась своевременной. Ценностный характер правил для учащихся педучилища в учительском восприятии оставался втуне. Для преподавателя правила превратились почти исключительно в инструкцию, регламентирующую поведение подопечных. Не случайно среди мер, направленных на повышение успеваемости и дисциплинированности, регулярно практиковались читки текста «правил для учащихся», их изучение²¹. Внимание к дисциплинарным правилам в то время было повсеместным в школах страны [10, 370].

2) Дисциплинарные критерии подхода к учащимся предопределяли и распределение ролей: преподаватель всегда выступал как субъект, а учащийся, как правило, виделся лишь объектом. Ситуация в учебном классе в этом отношении проецировалась и на внеклассную работу. «Провести / проработать / посетить / изучить / установить связь [с родителями] / информировать / познакомить / следить / вести [учёт]...», – эти императивы, хорошо выражающие субъектность классного руководителя, доминировали в планах воспитательной работы. Ещё сильнее эта субъектность видна в требованиях преподавательского контроля за посещением дополнительных учебных и кружковых (!) занятий, интерес к которым «по определению»,

должны были проявлять сами учащиеся.

О признании возможности и, в то же время, границ самостоятельности учащихся свидетельствуют лишь редко встречающиеся в некоторых планах такие обороты, как «наладить в классе [политзанятия или читки]» или «оказать помощь учащимся» предполагающие самостоятельность последних в подготовке полит-массовых и культмассовых мероприятий, в проведении комсомольского собрания. С ученической самостоятельностью были связаны и планировавшиеся классными руководителями выпуски стенгазет. Из протоколов педсоветов известна организация учащимися хозяйственных работ, «больших» перемен в течение учебного дня, новогоднего праздника, дежурств в общежитии²².

В целом, несмотря на признание преподавателями известной самостоятельности учащихся в общественных, хозяйственных делах, в протоколах педсоветов явно доминировали уничижительные оценки, вплоть до ругательных «иждивенцы / бездельники / лодыри / нячиться» и т. п. Эти крайние оценки «опирались» на вышеотмеченную «субъектность» преподавателя и подчинённое положение учащегося.

В начале статьи в качестве противоречия образовательной политики сталинской эпохи мы обозначили расхожее: «активный строитель нового общества – винтик». Что по этому поводу могли думать ханты-мансийские педагоги? Очевидно, что преподаватели могли считать значительную часть своих учеников неким подобием «винтиков», т. е., во-первых, ленивых незнаек и, во-вторых, подростков и молодых людей, малосамостоятельных или же несамостоятельных вовсе. И эти образы не были заданы изначально, хотя, наверное, следует согласиться с тезисом о «подчиненности» учащегося учителю – это своеобразный родовый признак школы [2]. В нашем случае критическая оценка учащегося произрастала из конкретной катастрофической ситуации с успеваемостью.

Не будь массы четвертных «двоек», учебная работа при всей её значимости, не доминировала бы в профессиональном дискурсе так всеобъемлюще. И тогда в фокусе преподавательского видения учащегося в большей мере оказалось бы внеучебное поведение, деятельность учащегося. «Виновата» и «политика»,

²⁰ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об., 33 об., 34, 35, 35 об., 37, 37 об., 38; Д. 19. Л. 110 об.–111.

²¹ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об., 13 об., 25 об., 35 об.; Д. 19. Л. 107, 108 об.

²² ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 11 об.–13., 31 об., 84 об.

заставлявшая училище выпускать с дипломами немало плохо подготовленных «специалистов». Характерно, что кого-то при распределении рекомендовали первым, а кого-то вторым учителем, да ещё и под присмотр опытного зав. школой. Известная «винтичность» по мнению педколлектива была свойственна не только отстающим, иногда – и учившимся хорошо, но общественно неактивным учащимся²³.

3) Наряду со слабостью знаний крупным изъяном в облике своих учеников дирекция и преподаватели видели недостаток «культурности». Тема обсуждалась на заседаниях педсовета²⁴, значилась в планах воспитательной работы и отчётах классных руководителей и воспитателей²⁵, но по частоте упоминания в разы уступала теме успеваемости и дисциплины. Успеваемость и дисциплина оценивались по 5-ти балльной шкале. Оценка за «культурность» не выставлялась. Фиксируемые в училищном делопроизводстве отдельные случаи невоспитанности потому и отмечались, что были напрямую связаны с нарушениями во взаимоотношениях с преподавателями, интересовали педколлектив именно в этом качестве.

Резюмируя, отметим одно принципиально важное для понимания преподавательского образа ученика обстоятельство.

Речь идёт о том, что локальный социум Ханты-Мансийского национального округа переживал мучительный процесс крушения старых и возведения новых порядков. Распад и деградация традиционных устоев коренного населения, разрыв прежних и проблемы с налаживанием новых связей с «большой землёй», «раскулачивание», «кулацкая ссылка», массовые репрессии, нужда, неустроенность, голод – вот характерные результаты советизации 30-х гг.

Советизация, конечно, несла с собой не только разрушение. Она создавала новое – здравоохранение, образование, колхозы, промышленность. Но и одного этого перечня достаточно, чтобы представить, насколько в большей или меньшей степени чуждыми даже в 30-е гг. были эти новации для коренного населения.

Хотя консервативный характер требований к учебному процессу и учащимся в 30-е – 40-е гг., как и традиционализм правил поведения уча-

щихся вне училища кажутся очевидными, они наверняка могли представляться тогда такими лишь горожанам, но никак не молодым людям из сельской глубинки, тем более из национальных районов Севера [8, 274].

В традиционной культуре процесс научения и нравственного воспитания заключался в передаче знаний и ценностей, необходимых для поддержания этой культуры, хозяйственных занятий и социальных связей, образа жизни и верований. Причём в некоторых составляющих передача эта происходила путём усвоения опыта старших, невербально, через пример, соучастие, сотрудничество.

Школа требовала другого. Она предлагала знания зачастую абстрактные, неочевидной ценности, знания книжные, в начальной школе на родном, но в педагогическом училище – на языке чужом – русском. Она требовала замены прежней свободы естественной домашней обстановки определённой «хореографией», вплоть до системы движений тела (поднимать руку, вставать при ответе, кланяться директору и т. п.). Иначе говоря, на смену традиционной, «сельской» модели обучения и воспитания, неизбежно этнически окрашенной, должна была прийти интернациональная «городская» (= русская). И хотя эта потребность на Севере в 40-е гг. больше существовала как потенциальная, будучи поддержана государственной политикой, она, опережая время, по сути, определяла воспитательные стратегии всей системы образования, в том числе и педагогических училищ.

Можно предположить, что явление «культурности», понятие о котором отсутствовало в традиционной культуре, де факто, конечно в этой культуре существовало, существовало в виде ценности-нормы. Но, как и знание, это была иная культурность, культурность, для которой многие требования правил поведения учащегося были совершенно чужды: «Посильно помогай матери, сходи в магазин за покупками / помогай старикам, инвалидам, женщинам перейти улицу, войти в трамвай, подняться по лестнице / строго соблюдай правила уличного движения, особенно на переходах / посещение кино, театра, музея – праздник для тебя, заранее выбери костюм, платье / учись правильно пользоваться вилок и ножом»²⁶.

²³ «Отметить, что Лукиных в общественной работе участия не принимала. Рекомендовать вторым учителем в виду пассивного отношения к общественной жизни, хотя по деловым качествам и знаниям могла бы работать зав. школой». – ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 42 об.

²⁴ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 107 об.–108

²⁵ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 21. Л. 187.

²⁶ ГАЮ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 19. Л. 26, 26 об., 27 об., 28.

В «Социальном конструировании реальности» П. Бергер и Т. Лукман рассуждают, в частности, о первичной и вторичной социализации и в связи с этим – о переходе индивида из одного мира в другой [16, 150]. С этими идеями перекликается идея культурного разрыва А. В. Чашухина и О. Л. Лейбовича [15, 109–110]. Многие учащиеся ханты,

манси, ненцы как раз такой разрыв и пережили, вынуждены были, прежде всего, приспособляться, и в этом смысле были обречены выступать в глазах своих учителей в качестве объекта, мало подготовленного к восприятию нового. Насколько справедливой была такая оценка – это другой вопрос, другая история.

Список источников и литературы

1. Величко Г. Т. Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище // Просвещение на Советском Крайнем Севере. В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 8. Л.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения, Ленинградское отд-е, 1958. С. 115–130.
2. Гонсалес С. Ф., Фрейре Р. М. Представление об учащемся в педагогическом дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-ob-uchaschemsya-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 10 августа 2018).
3. История Бобровского педагогического училища. 1914–1957. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2015. 114 с.
4. Киселев А. Г. Гжельский силикатно-керамический техникум. Источники по истории, 1945–1958 годы. Гжель: ГЖПИ, 2014. 236 с.
5. Киселёв А. Г., Соловьёва С. Н., Батенчук Д. М. Учащиеся Гжельского техникума (1944–1957 гг.). Гжель: ГГУ, 2016. 288 с.
6. Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Ч. 1. Слово государство в устах учителя // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1 (36). С. 56–72.
7. Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Ч. 2. Слово государство в устах учителя // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 2 (37). С. 41–58.
8. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / пер. с английского О. Леонтьева. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
9. Среднее специальное образование (техникумы, училища, школы). Сб. руководящих материалов. / Сост.: И. В. Александров, Ф. А. Канукова, Ю. А. Липский; ред.: В. И. Варлакин, Е. И. Войленко. М.: Гос. изд-во «Советская наука», 1958. С. 506 с.
10. Стельмашук Ж. Г. Виховання дисциплінованості учнів у чоловічих школах у 1943–1954 рр. URL: <http://www.pbuv.gov.ua/node/2116> (дата обращения: 20 августа 2018).
11. Стельмашук Ж. Г. Нормативно-правове забезпечення процесу виховання дисциплінованості учнів у вітчизняній школі (1943–1954 рр.) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: педагогіка і психологія. Вип. 43. 2015. С. 370–372.
12. Стельмашук Ж. Г. Роль газети «Радянська освіта» в організації виховання дисциплінованості (1944–1954 рр.) // Інноватика у вихованні. Зб. наук. праць Рівненського державного гуманітарного ун-ту. Вип. 2. 2015. С. 229–237.
13. Техникумы (средние специальные учебные заведения). Постановления и приказы / сост. М. И. Мовшович, под ред. С. Я. Плоткина. М.: Госиздательство «Советская наука», 1947. 188 с.
14. Уваева Э. В. Класно-урочная система в педагогических теориях Я. А. Коменского, И. Ф. Гербарта, К. Д. Ушинского и отечественной дидактике с 1917 по 1990-е гг. Изд-е 2-е, испр. Бийск: БПГУ им. М. В. Шукшина, 2008. 77 с.
15. Чашухин А. Обратный с указкой: культурные разрывы и конвенции в сталинской школе рубежа 40–50-х // Разрывы и конвенции в отечественной культуре / под ред. О. Л. Лейбовича. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2011. С. 105–124.
16. Berger P. L., Lukman T. The Social Construction of Reality. A Treatise in sociology of Knowledge. New York: Penguin Books, 1976. 249 p.
17. Eggermont B. The choreography of schooling as site of struggle: Belgian primary schools, 1880–1940 // History of education, 2001, Vol. 30, no 2, p. 129–140.
18. Thornberg R. A categorisation of school rules // Educational Studies. Vol. 34, No. 1, February 2008, P. 25–33. Available at: <https://www.tandfonline.com/action/doSearch?AllField=A+categorisation+of+school+rules+Robert+Thornberg&SeriesKey=ceds20> (дата обращения: 15 августа 2018).

References

1. Velichko G. T. *Khanty-Mansijskoe natsional'noe pedagogicheskoe uchilishhe* [Khanty-Mansiysk National Pedagogical College]. *Prosveshhenie na Sovetskom Krajnem Severe. V pomoshh' uchitelyu shkol Krajnego Severa. Vyp. 8* [Enlightenment in the Soviet Far North. For the teachers of the schools of the Far North. Issue 8]. Leningrad: Gos. uchebno-ped. izd-vo Min-va prosveshheniya, Leningradskoe otd-e Publ., 1958. pp. 115–130. (In Russian)
2. Gonsales S. F., Frejre R. M. *Predstavlenie ob uchashhemsya v pedagogicheskom diskurse* [Representation about the student in the pedagogical discourse]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-ob-uchaschemsya-v-pedagogicheskom-diskurse> (accessed August 10, 2018). (In Russian)

3. *Istoriya Bobrovskogo pedagogicheskogo uchilishha. 1914–1957* [History of the Bobrovsky Pedagogical College. 1914–1957]. Voronezh: Voronezhskij gos. ped. un-t Publ., 2015. 114 p. (In Russian)
4. Kiselev A. G. *Gzhelskiy silikatno-keramicheskiy tekhnikum. Istochniki po istorii. 1945–1958 gody* [Gzhel Silicate-Ceramic College. Sources on history, 1945–1958]. Gzhel: GGKhPI Publ., 2014. 236 p. (In Russian)
5. Kiselev A. G., Solovyova S. N., Batenchuk D. M. *Uchashchiesya Gzhelskogo tekhnikuma (1944–1957 gg.)* [Students of the Gzhel Technical College (1944–1957)]. Gzhel: GGU Publ., 2016. 288 p. (In Russian)
6. Maslinskiy K. A. *Pravila povedeniya v sovetskoy shkole. Ch. 1. Slovo gosudarstvo v ustakh uchitelya* [Rules of behavior in Soviet school. Part 1. The word state by the teacher]. *Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. IV: Pedagogy. Psychology], 2015, no. 1(36), pp. 56–72. (In Russian)
7. Maslinskiy K. A. *Pravila povedeniya v sovetskoy shkole. Ch. 2. Slovo gosudarstvo v ustakh uchitelya* [Rules of behavior in Soviet school. Part 2. The word state by the teacher]. *Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. IV: Pedagogy. Psychology], 2015, no. 2(37), pp. 41–58. (In Russian)
8. Slezkin Yu. *Arkticheskiye zerkala: Rossiya i малыye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008. 512 p. (In Russian)
9. *Sredneye spetsialnoye obrazovaniye (tekhnikumy, uchilishcha, shkoly): sb. rukovodyashchikh materialov* [Secondary special education (technical schools, colleges, schools): guidance collection]. Comp. by I. V. Aleksandrov, F. A. Kanukova, Yu. A. Lipskiy; ed. by V. I. Varlamkin, E. I. Voylenko. Moscow: Gos. izd-vo «Sovetskaya nauka» Publ., 1958. 506 p. (In Russian)
10. Stelmashuk Zh. G. *Vikhovannya distsiplinovanosti uchniv u cholovichikh shkolakh u 1943–1954 rr.* [Raising the discipline of students in male schools in 1943–1954]. Available at: <http://www.nbuv.gov.ua/node/2116> (accessed August 20, 2018). (In Ukrainian)
11. Stelmashuk Zh. G. *Normativno-pravove zabezpechennya protsesu vikhovannya distsiplinovanosti uchniv u vitchiznyaniy shkoli (1943–1954 rr.)* [Regulatory and legal support of the process of education of students' discipline at the domestic school (1943–1954)]. *Naukovi zapiski Vinnitskogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Mikhayla Kotsyubinskogo. Seriya: pedagogika i psikhologiya* [Scientific notes of the Vinnitsa State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinsky. Series: Pedagogics and Psychology], 2015, no. 43, pp. 370–372. (In Ukrainian)
12. Stelmashuk Zh. G. *Rol gazet «Radyanska osvita» v organizatsii vikhovannya distsiplinovanosti (1944–1954 rr.)* [The role of the newspaper “Soviet Education” in the organization of education discipline (1944–1954)]. *Innovatika u vikhovanni. Zb. nauk. prats Rivnenskogo derzhavnogo gumanitarnogo un-tu* [Innovation in education. Collection of scientific papers of the Rivne State Humanitarian University], 2015, no. 2, pp. 229–237. (In Ukrainian)
13. *Tekhnikumy (sredniye spetsialnyye uchebnyye zavedeniya). Postanovleniya i prikazy* [Technical schools (secondary special educational institutions). Regulations and orders]. Comp. by M. I. Movshovich; ed. by S. Ya. Plotkina. Moscow: Gosizdatelstvo «Sovetskaya nauka» Publ., 1947. 188 p. (In Ukrainian)
14. Uvayeva E. V. *Klassno-urochnaya sistema v pedagogicheskikh teoriyakh Ya. A. Komenskogo. I. F. Gerbarta. K. D. Ushinskogo i otechestvennoy didaktike s 1917 po 1990-e gg.* [Class-lesson system in pedagogical theories of Ya. A. Komensky, I. F. Herbart, K. D. Ushinsky and in Russian didactics from 1917 to 1990s]. Biysk: BPGU im. M. V. Shukshina Publ., 2008. 77 p. (In Russian)
15. Chashchukhin A. *Oborotni s ukazoy: kulturnyye razryvy i konventsii v stalinskoy shkole rubezha 40–50-kh* [Werewolves with a pointer: cultural gaps and conventions in the Stalinist school of the turn of the 40–50s]. *Razryvy i konventsii v otechestvennoy culture* [Gaps and conventions in national culture]. Ed. by O. L. Leybovich. Perm: Perm. gos. in-t iskusstva i kul'tury Publ., 2011. pp. 105–124. (In Russian)
16. Berger P. L., Lukman T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in sociology of Knowledge*. New York: Penguin Books, 1976. 249 p. (In English)
17. Eggermont B. The choreography of schooling as site of struggle: Belgian primary schools, 1880–1940. *History of education*, 2001, vol. 30, no. 2, pp. 129–140. (In English)
18. Thornberg R. A categorisation of school rules. *Educational Studies*. Vol. 34, no. 1, February 2008, pp. 25–33. Available at: <https://www.tandfonline.com/action/doSearch?AllField=A+categorisation+of+school+rules+Robert+Thornberg&SeriesKey=ceds20> (accessed August 15, 2018). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Киселев Александр Георгиевич, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А), доктор исторических наук.

kiselev1954@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4677-5250

ABOUT THE AUTHOR:

Kiselev Alexander Georgievich, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira, 14A), Doctor of Historical Sciences.

kiselev1954@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4677-5250